ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Год Великобритании в России

БРИТАНСКИЕ МОРАЛИСТЫ XVIII ВЕКА

Британский Совет и Министерство иностранных дел РФ объявили о проведении Перекрестного Года культуры Великобритании и России 2014.

По своему замыслу Перекрестный Год культуры Великобритании и России призван как можно более полно представить богатое культурное наследие двух великих стран. Одна из главных задач, объявленных в этом году, способствовать культурному обмену, тем самым укрепляя отношения между людьми, организациями и правительствами. Масштаб программы и количество уже реализованных за неполный 2014 год проектов в сфере искусства и образования показал, какой значительный шаг сделан на пути к укреплению культурных связей между двумя странами.

В контексте мероприятий, осуществляемых в рамках Перекрестного Года культуры Великобритании и России журнал «Философские науки» приступил к формированию постоянной рубрики, цель которой в ряде номеров представить богатство британской философии как общечеловеческого достояния, показать ее значение в мировом культурном наследии, предоставить читателю возможность шире ознакомиться с уникальным миром британской философии, узнать о новых взглядах современных, в том числе отечественных, исследователей на все многообразие наследия британских философов.

В пятом номере «Философских наук» за 2014 г. был опубликован ряд статей, посвященных английскому Просвещению и британской философии XIX в., известного как «золотой век либерализма». В данном номере публикуются статьи, в которых российские исследователи обращаются к анализу английской этики XVIII столетия – воззрений тех философов, которых в специальной историко-философской литературе принято называть «поздними британскими моралистами».

Специфика позиции последних состоит в том, что они изымают мораль (т.е. внутреннее долженствование, которое заставляет жертвовать своим интересом в пользу другого человека) из сугубо религиозного контекста и помещают ее в контекст антропологии и психологии. В их воззрениях мораль превратилась из системы трансцедентных сдержек человеческой природы в ее важную часть, сложным образом

взаимодействующую с другими частями. При этом их отличает повышенная чувствительность к многообразию нравственного опыта: они не терпят схематичности и упрощения исследуемых феноменов, даже если такое упрощение позволяет создать лишенную противоречий и лаконичную теоретическую схему. Эта особенность часто вызывает упрек в эмпиризме, однако, отсутствие подобного «эмпиризма» часто ведет к отрыву от реальности и неоправданной универсализации частных наблюдений. Конечно, нельзя говорить о том, что внутреннее богатство морали было подвергнуто поздними британскими моралистами систематическому и всестороннему анализу, однако, любые попытки такого анализа всегда и неизбежно будут напоминать о тех или иных рассуждениях Б. Мандевиля, Ф. Хатчесона, Д. Юма или А. Смита. В центре внимания поздних британских моралистов находится содержание убеждений и критериев общераспространенной морали, морали, доступной любому среднему, порядочному человеку, а не перфекционистской нравственности святых, мудрецов или героев. Не случайно одним из центральных понятий, используемых ими, является понятие здравого смысла. Рассуждения о природе морали и источниках ее обязательности не перегружены в рамках этой традиции метафизическими построениями, что делает ее созвучной многим теоретическим проектам современной этики.

Две представленных в этом разделе статьи анализируют разные аспекты этики Фрэнсиса Хатчесона (1694 – 1746) – центральной фигуры этического сентиментализма в британской (или, вернее, англошотландской) философии XVIII в. Обе они указывают важную промежуточную роль воззрений Ф. Хатчесона на пути к формированию некоторых фундаментальных идей кантовской этической системы. Однако обе они демонстрируют и то, что значение теоретических тезисов, типологизаций и эмпирических наблюдений Ф. Хатчесона не ограничивается их промежуточной ролью. Р.Г. Апресян показывает, что, хотя концепт моральной автономии выражен у Ф. Хатчесона менее отчетливо, выпукло и теоретически корректно, чем у И. Канта, Хатчесоново понимание этого феномена поставлено в контекст различных проявлений независимости нравственного субъекта и тем самым подчеркивает значение морали как средства достижения индивидуальной свободы. Схожим образом А.В. Прокофьев обнаруживает у Ф. Хатчесона не только движение к деюридизации разграничения совершенных и несовершенных прав (обязанностей), завершившееся в кантовской метафизике нравов, но и чрезвычайно продуктивную попытку отстоять значимость той части морали, которая связана с совершением инициативных действий и лежит за пределами досягаемости общественных санкций.

А.В. Прокофьев